

Что это было? 90 лет с начала Назинской трагедии.

Вышел из печати документальный сборник «Спец(труд)поселения Западной Сибири в 1933 г.: повседневность комендатур, Назинская трагедия» (Новосибирск, 2022. -470 с.), подготовленный сотрудниками Института истории СО РАН С. А. Красильниковым и О. В. Филиппенко при участии Государственного архива Новосибирской области, в фондах которого сохранился основной корпус документов о событиях 1933 года в западносибирском регионе.

Мы обратились к профессору **Сергею Александровичу Красильникову** с рядом вопросов о том, чем важны для нас, современников, события 90-летней давности, чему посвящено вышедшее документальное научное издание.

Вы – профессиональный историк, многие годы изучаете драматические события 30-х годов XX века, положившие начало массовой крестьянской ссылки, депортации нескольких сотен тысяч крестьянских семей в организованные с этой целью спецпоселения, территориально охватившие немалую часть Западной Сибири. Чем значима данная тема для исторической памяти, восприятия другими, последующими поколениями сибиряков, и как историки работают над реконструкцией событий сталинской эпохи?

Для профессиональной исторической науки новый мощный прирост нового научного знания о сталинской эпохе начался с конца 1980-х гг., когда произошла «архивная революция»: для историков это означало доступ и работу с рассекреченными фондами государственных, и ведомственных архивов, особенно ускорившись после распада СССР (возможность работать с источниками в бывших партийных архивах, с фондами МВД и ФСБ). Тогда мы с группой историков и архивистов Новосибирска подготовили и издали серию из 4-х документальных сборников под общим названием «Спецпереселенцы в Западной Сибири» с хронологически охватом от 1930 по 1945 годы. Фактически нами одними из первых в стране оказалась «окоптурена» история региональной системы спецпоселений с момента ее организации до окончания Отечественной войны, которую справедливо называли «другим архипелагом ГУЛАГа», поскольку в сталинское время спецпоселения входили в общую с лагерями и колониями систему, и о которой до начала 1990-х гг. имелись самые обрывочные представления. Между тем, для сравнения приведем некоторые цифры: через ссылку в спецпоселки в СССР до войны прошло 2.1 млн чел., в т.ч 556 тыс. (25%) оказались в комендатурах Западной Сибири. Если учитывать т.н. убыль спецпереселенцев (побеги, смертность), то статистика следующая: побеги из комендатур составляли величину в 629 тыс. чел (доля Западной Сибири 149 тыс), погибших 390 тыс (доля Западной Сибири 71 тыс.). Это означает, что через

спецпоселки нашего региона в 1930-е годы прошел условно каждый пятый из ссыльных, которую в основной массе своей представляли репрессированные крестьянские семьи...

Когда мы начали работать с карательной документацией, то выяснилось, что депортации крестьянства осуществлялись волнами: первая из них проходила зимой и весной 1930 г.; вторая волна крестьянской депортации проходила весной – летом 1931 г. и она оказалась по масштабам втрое больше, чем в 1930 г. Третья волна, о которой пойдет речь ниже, носила смешанный по контингенту характер – в нем, помимо ссыльных крестьян и тех, кого отлавливали из первых двух волн («бежавшие кулаки») отчетливо прослеживалось стремление властей «очистить» города и приграничные территории от маргинального, «деклассированного элемента»

Вы с коллегами выпустили новую книгу, основная часть которой посвящена трагедии в Назино (массовой гибели «нового контингента»). На данный момент все ли мы знаем от историков об этом драматическом событии или её предстоит еще исследовать? Какая новая информация стала известна в книге?

Наша документальная публикация посвящена причинам, динамике и последствиям того, что происходило в комендатурах региона в 1933 г., в связи данной, отчасти получившей маргинальную примесь депортацией, в ходе которой произошла трагедия в окрестностях дер. Назино. Несколько слов о том, что исторической общественности данные события весны – лета 1933 г. стали известны благодаря находке в архиве в 1992 г. письма инструктора Нарымского окружка партии В. А. Величко, побывавшего в этих местах в летом 1933 г., и потрясенного увиденным написавшего письмо в адрес Сталина и региональных партийных руководителей. Данное письмо, дошедшее до адресатов, вызвало очень «нервную» реакцию местных органов (летом – осенью того же года достоверность фактов, изложенных В. Величко устанавливали три уровня комиссий – районная, окружная и краевая), и расследования установили не только подлинность информации В. Величко, но осуществлялось вполне профессиональное партийно – ведомственное следствие причин и масштабов происшедшего.

Благодаря этому в делопроизводстве различных органов, включая в первую очередь документацию СибЛАГа, отложились, без преувеличения, более сотни первоисточников, позволяющих реконструировать основной ход событий, которые и привели к Назинской трагедии. Что нового дает наша публикация: помимо выявленных и отобранных для опубликования местных источников, нами выявлен корпус источников об этом в центральном аппарате ГУЛАГа, включая переписку между последними и руководством СибЛАГа, что позволило установить алгоритм как принятия решения о депортации 1933 г., так и о ходе и корректировки принимавшимися центральными и региональными партийно – государственными и репрессивными органами решений с ней связанных. Полученное на этой основе ранее нам неизвестное

«недостающее звено» и позволило более полно и доказательно представить ход и исход самой неудавшейся и провальной из всех депортаций 1930-х гг.

С чего началась трагедия? Почему, в связи с чем и кем принималось решение о проведении депортации как таковой в 1933 г., в чем ее неординарность по сравнению с предыдущими, и происходили ли трагедии, аналогичные Назинской ранее, в предыдущие годы?

Под Назинской трагедией мы считаем экстраординарные события, происшедшие на речном острове близ деревни Назино Александровского района Западно – Сибирского края (северный район нынешней территории Томской области), где приток речки Назиной впадает в р. Обь. Сюда, на небольшой по размерам речной остров вскоре после весеннего ледохода прибыли из Томска двумя караванами высланные в ходе «зачистки» Москвы и Ленинграда «деклассированные элементы». Среди них, наряду с городским «дном» и рецидивистами, оказалась и часть совершенно лояльных власти жителей данных городов, задержанных в ходе милицейских облав (в том числе служащие, рабочие, коммунисты) и отправленных эшелонными перевозками до Томска, а оттуда на баржах в Александровский район. За две недели нахождения на речном острове с двадцатых чисел мая до 6 июня из 6 тыс депортированных «островитян» погибло более тысячи человек, смертность продолжалась и далее в спецпоселках, спешно создававшихся на самой речке Назиной. В итоге к осени общая численность умерших и бежавших в тайгу (что также было равносильно гибели для тех мест) по оценкам комендатуры составила около 2 тыс. чел. Почему данное событие оказалось столь резонансным: помимо информации от Величко, нарымскому руководству уже в июне месяце были известны факты громадной смертности на острове, которые сопровождались установленными хотя и единичными, не массовыми случаями каннибализма; однако среди местного населения остров стал именоваться «островом смерти», в последующем, уже в спецпоселках на самой речке возникали бандитские группы, грабившие местное население, вследствие чего местные крестьяне прибегали к самочинным расправам с нападавшими. Поскольку данные события продемонстрировали очевидную неспособность карательных структур СибЛАГа контролировать ход депортации, частью которой стала Назинская трагедия, то следует обратиться к тому, что явилось первопричинами проведения самой карательной операции 1933 года.

Основными причинами, по которым руководство ОГПУ в лице зам. председателя ведомства Г. Ягоды обратилось в феврале 1933 г. к И. Сталину и В. Молотову с планом проведения широкомасштабной «зачистки» центральных городов, западных и южных границ страны, от «социально чуждых и опасных элементов», которую предлагалось соединить с продолжением высылки из сельской местности выявленных «кулаков» стали последствия форсированной принудительной коллективизации, вызвавшей массовое бегство нескольких миллионов крестьян из деревни в города,

пригороды, новые стройки и т.д. Страну охватили массовые эпидемии в сочетании с голодом, унесшим в 1932 – 1933 гг., согласно современным подсчетам демографов не менее 7 - 8 млн. чел. Введение паспортной системы для городского населения становилось одним из заградительных мер власти против происходившей катастрофы. Традиционные аресты не решали задач изоляции маргинальных элементов, тюрьмы были переполнены сверх всякой меры.

Соответственно, в качестве действия по пресечению социального хаоса, Г. Ягода предложил осуществить радикальную карательную операцию «зачистки» страны с высылкой в отделенные регионы страны в течение весны-лета 1933 г. ориентировочно 2-х миллионов чел (по миллиону в Западную Сибирь и Северный Казахстан). Это поразительно, учитывая то, что предыдущая депортация крестьянства в масштабах страны, включая расселение и хозяйственное устройство высланных охватывала около двух миллионов человек и длилась два года. План операции, разрабатываемый под руководством Ягоды был направлен руководству страны 13 февраля 1933 г. и занимал более 10-ти страниц текста с подробным перечислением технологии и требуемых ресурсов на проведение «зачистки». Примечательно, что Молотов резко отреагировал на общую запрошенную сумму расходов (1 млрд 394 млн руб.) резолюцией «Расходы грубо преувеличены», тогда как резолюция Сталина касалась новой линии в операции «Надо связать это дело с разгрузкой тюрем». Как видим, Сталин добавил в план, наряду с высылкой из мест проживания не только «кулаков» и городских маргиналов, но и уголовный, рецидивный элемент.

Забегая вперед отметим, что в силу многих причин ни масштабы высылки и ее ресурсное сопровождение не выдержало испытания реальностью. Всего в течение весны – осени 1933 г. в спецпоселки (которые правительственным постановлением получили новое наименование – трудовые поселения) востока страны удалось с громадным напряжением депортировать лишь 270 тыс. чел «нового контингента», из них около 140 тыс. чел в Западную Сибирь. Иначе говоря, первоначальные цифры депортации в итоге оказались уменьшенными почти в восемь раз, а выделенные на депортацию суммы сократились примерно в десять раз. Сами масштабы высылки корректировались партийными и карательными структурами шесть раз сторону неуклонного сокращения. Столь резкого несоответствия между планом и его фактической реализации не знала ни одна из крупных депортаций сталинского периода!

Следует отметить, что изначально краевые органы региона во главе с Р. Эйхе считали первоначальный план Г. Ягоды нереалистичным и полагали, что принять и разместить «новый контингент» в размере 250 – 270 тыс. чел и в последующие месяцы, начиная с апреля, когда эшелоны с высланными начали прибывать в два основных места разгрузки (Омск и Томск), где спешно создавались крупные пересыльные комендатуры с одновременной вместимостью в них до 25-30 тыс. высланных, чтобы далее в период навигации развозить их по намеченным поселкам, постоянно сигнализировали о

недопустимости отправки в регион в составе депортантов уголовно – рецидивного контингента в силу его неспособности к освоению региона, в отличие от ссыльного крестьянства прошлых депортационных лет.

Мы подошли теперь к основному вопросу. Почему одним из мест высадки был выбран речной остров рядом с деревней Назино? Кто принимал решение об этом?

Было ли там что-то подготовлено перед приходом ссыльных?

Надо хотя бы в общих чертах представить себе ситуацию с момента, когда начинали формироваться эшелоны для перевозки «нового контингента» из Москвы и Ленинграда и западных и южных приграничных территорий. Маргинальный контингент, естественно, частично попадал в сети милицейских операций, однако все здесь принимало характер стихийных облав (улицы, ж/д вокзалы и т.д.), что вытекало из установленных «сверху» контрольных цифр. Естественно, в облавы попадали вполне советские граждане, которые попадали в общий депортационный «котел». Изначально был значительный процент больных и ослабленных людей, перевозки из Москвы длились не менее недели, а из южной местности (Сочи, Туапсе и др.) эшелоны шли по две недели. Поэтому на сборные пункты в Омск и Томск большинство высланных уже поступали в «физически подорванном состоянии» (оценка руководства СибЛАГа). Однако оставляли в пересыльных комендатурах только безнадежно больных, умирающих и инвалидов, неспособных ни к какой физической работе. В томской больнице СибЛАГа, куда из местной пересылки отправляли этих людей, за время данной операции скончалось до тысячи чел. Другим очевидным дефектом всей операции оказывалось то, что в прибывавших эшелонах помимо больных и негодных для физических работ при т.н. фильтрации оказывалось, что немалая часть проверенных в ряде эшелонов до половины высланных не имели оснований для депортации. В начале мая в томской пересылке скопилась громадная «пробка», поэтому по линии СибЛАГа шла директива о скорейшей отправки из Томска на Север скопившейся массы маргиналов. В итоге в спешном порядке и с минимальными запасами продовольствия и медикаментов оттуда двумя речными караванами (буксир вел за собой несколько барж, в трюмах которых размещались депортированные, примерно от тысячи до полутора тыс. чел в каждой) в сторону Александро – Ваховской комендатуры было отправлено около 6 тыс. чел (караваны шли вниз по Оби около недели), их высадили на речной остров Назинский с интервалом в несколько дней (18 и 26 мая).

Почему данная комендатура? Она с 1931 г. имела статус особой, штрафной, куда отправлялись спецпереселенцы предыдущих лет высылки, как правило, с семьями, за различные нарушения (побеги, нарушение распорядка, участие в т.н. волынках и т. д.). На момент мая 1933 г. событий в комендатуре находилось около 3 тыс. ссыльных крестьян с семьями. Поэтому, решение об отправке «деклассированных элементов», включая и рецидивистов в эту

комендатуру руководство СибЛАГа считало обоснованным и верным. Готова ли была комендатура к приему такого контингента и в таком объеме? Нет, поскольку у работников комендатуры имелся опыт работы с крестьянами и их семьями, а здесь высылался практически противоположный крестьянству контингент. Известие о поступлении столь «нестандартного» элемента, да еще в таком количестве местные власти получили только в начале мая, когда места приема караванов не были еще подготовлены. Более того, александровское районное руководство считало категорически невозможным расселять этот контингент возле поселков с местным населением, и настояло на том, чтобы высадку прибывших с караванами высланных произвести на речном острове напротив деревни Назино.

Была ли такая практика уникальной? Вовсе нет. В ходе весенне – летней крестьянской депортации 1931 г. данный прием (высадка на речном острове напротив впадения одного из притоков в р. Обь) практиковалась дважды в районах сел Баранаково и Парабель, где скапливалось от 20 до 30 тыс. чел. на период до двух недель, пока катерами ссыльных развозили по притокам Оби. Вероятно, столь массовой смертности там не наблюдалось, документов об этом нами не обнаружено. Скорее всего определенную упорядоченность в ситуацию вносил тот факт, что там были крестьянские семьи, имевшие нередко родственные и земляческие связи между собой, не допуская эксцессов. Так или иначе, практика такого рода носила апробированный характер в ходе прежних речных перевозок.

Здесь же относительно небольшой по площади речной остров было высажено 6 тыс. чел, в составе которых не было семей – все являлись одиночками с различным, преимущественно негативным жизненным опытом, приобретенным длительным пребыванием в условиях городского «дна». Преобладал рецидивный элемент. Среди них оказались и женщины, более сотни человек, часть из которых (больных и нескольких беременных) перевезли в деревню Назино для оказания им медицинской помощи, отделив от общей массы. На самом острове в течение почти двух недель творился полный беспредел, когда индивидуально или небольшими группами шла борьба за физическое выживание.

На самом острове охрану несли не более десяти стрелков, сменяя друг друга, которые практически не вмешивались в происходящее, а в основном охраняли несколько палаток – с продовольствием, медикаментами и там, где лежали больные. Раздаче подлежала только мука, поскольку печь хлеб в деревне напротив удалось наладить только через неделю. Имела место попытка нападения на охрану с целью добыть продовольствие. Иначе говоря, незначительная по численности охрана занималась прежде всего защитой себя, запасов и больных. В сложившихся экстремальных условиях остров на две недели превратился в пространство для выживания и борьбы за продовольствие, которое даже в случае индивидуальной выдачи затем перераспределялось внутри высланных силовыми методами. На этой почве возникали случаи каннибализма. Они не носили массового характера, в нескольких случаях сами высланные сдавали охране тех, кто оказался в этом

замечен. Хотя следует отметить, что и в дальнейшем, когда речной остров был разгружен через две недели, и высланных расселили по таежным участкам вдоль реки Назиной, несколько случаев людоедства работники комендатуры также зафиксировали. Краевая комиссия, обследовавшая комендатуру в сентябре 1933 г. зафиксировала, что сотрудниками ОГПУ было выявлено 11 случаев людоедства, установлены реально совершавшие преступления, и некоторые из них подлежали расстрелу. Краевому полпредству ОГПУ летом были представлены полномочия – решением «тройки» применять к наиболее отъявленным уголовникам любые меры, вплоть до расстрела.

Как себя вели охранники? Были ли они замечены в жестокости? Правда ли, что они продавали табак за коронки? Сколько было охранников?

На такое количество высланных штат стрелков составлял 50-60 чел, что было вдвое меньше установленных нормативов для охраны в спецпоселках. Кроме того, естественно, в сложившейся обстановке вседозволенность и ощущение безнаказанности становились обычной практикой поведения стрелков в отношении высланных. Комиссия установила факты привлечения к дисциплинарной и уголовной ответственности почти 30 работников комендатуры, совершавших свои «деяния»: избиения вплоть до убийств, расхищение продовольственных и других ресурсов (одежда, обувь и т.д.), занимались мародерством, скупали за бесценок вещи у высланных. Случаи выменивания золотых коронок на табак и другие ресурсы отмечались как в среде охранников, так и уголовников. Эти сотрудники осуждались решениями коллегии ОГПУ на различные сроки наказания, в их числе несколько комендантов, их помощников и работников аппарата СибЛАГа (около 10 чел), которые оказались «стрелочниками» при разборе случившейся трагедии.

Как об острове стало известно властям? Какие действия были предприняты после этого? Чем завершилось расследование дела?

Если очень кратко, то информация распространялась своего рода кругами. Помимо самих высланных, информацией владели комендант Александр – Ваховской комендатуры Цепков и работники его комендатуры, которые предпочитали практически не соваться на остров. Информацией владели несколько медиков, приехавшие с караванами и работавшие непосредственно на острове, отыскивая и работая с больными. Информацией владели руководители Александровского района, которые в меру своих возможностей искали местные ресурсы, чтобы снабжать высланных, предоставлять плавсредства для того, чтобы затем развозить прибывших группами из острова. Всю информацию собирало руководство Нарымского округа, куда входил Александровский район. Наиболее подробной информацией обладал начальник отдела трудпоселений И. Долгих, который приехал в комендатуру только три недели спустя, после начала трагедии, и он

организовал первое достаточно емкое расследование событий, на результаты которого опиралась затем «большая» краевая комиссия из Новосибирска во главе со старым большевиком М. Ковалевым, однако и сама проведенная в сентябре 1933 г. более двух недель в поселках комендатуры. По итогам расследования комиссия пришла к заключению о виновности в трагедии прежде всего СибЛАГовской вертикали – от лагерного начальника Горшкова и его помощника Долгих, начальника Томской пересылки Кузнецова и далее работников ведомства в Нарымском округе вплоть до руководства комендатурой и его подчиненных. Большинство из них были сняты, отстранены от должностей, часть отданы под суд, хотя главный исполнитель депортации в регионе, Долгих ушел от наказания, отделавшись выговором по партийной линии и затем еще вплоть до 1938 г. работал начальником отдела трудовых поселений. Итогом событий на сентябрь 1933 г. служит статистика, представленная комендатурой комиссии Ковалева: всего в комендатуру, куда продолжался завоз высланных и после Назино, на другие участки, поступило около 10 тыс. чел. из них две тысячи наиболее закоренелых рецидивистов были отправлены в сибирские лагеря, в местах расселения оставалось всего две тысячи чел, среди которых только 10-15% были пригодны для выполнения физических работ, остальные оказались больными или слабосильными. «Разрыв» в 6 тыс. чел. недостающих высланных комендатура оценивала наполовину их умерших и числившихся в бегах, которых работники комендатур считали наверняка погибшими в тайге и болотах района. Число непосредственно погибших на самом острове работники комендатуры оценивали примерно в полторы тысячи чел. () имелось 30 общих могил с числом захоронений в каждой не менее 50-ти чел. Среди выживших комиссия обнаружила несколько десятков людей, случайно попавших в Москве в милицейские облавы, однако, в основном сотни таких людей погибли на самом острове.

Какие, по вашему мнению, основные причины трагедии?

Я полагаю, что центральная, ключевая причина случившегося коренится в самой природе тогдашнего сталинского режима: цель («строительство светлого будущего», нового общества) оправдывала любые средства для ее достижения. Соответственно, логичным выступала задача – «очистить» страну от лишних слоев «бывших», «контрреволюционеров», «кулаков», «социально опасных и вредных элементов», но при этом не сразу их «утилизировать», а по возможности эксплуатировать их труд в лагерях, колониях, спец(труд)поселениях. Это ресурсное по своей сути государство, где, наряду с природными ресурсами одним из ресурсов выступало население, трудовой потенциал которого следовало планомерно, рационально распределить, не считаясь с ценой ошибочных, а часто и преступных решений руководства. Да, читатель может сказать, применительно к Назинской трагедии, где погибали в основном маргинальные группы, включая городской рецидив и бывших заключенных, мол, «туда им и дорога». Какой смысл исследовать

уничтожение, не прибегая к расстрелам, нескольких тысяч «бывших», «беглых», профессиональных преступников и т.д.? Я полагаю, что данное мнение имеет поверхностный характер и прямолинейную логику, в чем – то повторяющее логику исполнителей депортации 1933 г. Следует понять, что страна, переживавшая вначале эпоху войн и революций, «белого» и «красного» терроров, а затем и новое, партийное государство, сделавшее репрессии одних из фундаментов своего существования, отправляя миллионами крестьян и городских жителей в места заключения и спецпоселения и рождало и воспроизводило социальную маргинальность, способствовало развитию и укоренению, воспроизводству преступности, криминальности среди населения, объективно вело к такого рода восприятию групп населения как «расходного материала». Назинская трагедия- это своего рода историческая визитная карточка системы, которая привела к расчеловечиванию миллионов людей.